

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСЛАМ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1991

основополагающих коранических идей, связанных с сущностью пророческой миссии. Пророк не знает всего содержания ал-Л. ал-М., оно сообщается ему отдельными отрывками. Пророки до Мухаммада также получали подобные сообщения, составившие Тору (ат-Таура) и Евангелие (Инджил), однако впоследствии они были искажены иудеями и христианами. Представление об ал-Л. ал-М. восходит к соответствующим ветхозаветным представлениям, хотя и претерпело в Коране, а в дальнейшем и в хадисах значительную модификацию.

В суфийской философии, в философии «Чистых братьев» (Ихван ас-сафа'), в философии исма'илитов и шиитов термин ал-Л. ал-М. употребляется для обозначения «всеобщей души» (ан-нафс ал-куллийа, нафс ал-кулл). Перворазум (ал-'акл ал-аввал, или калам) низошел на ал-Л. ал-М. и начертал на ней все, что произойдет до Судного дня. В космологии ал-Газали ал-Л. ал-М.—область предвечно существующих архетипов. Эти представления восходят к эманационной доктрине неоплатоников.

Лит-ра: Ибн 'Араби. Ал-Футухат, 3, гл. 371, 553; A. Jeffery. The Qur'an as Scripture. N. Y., 1952, 16; T. Burchhardt. La sagesse de Prophètes. P., 1955; Y. Marquet. La philosophie des Ihwan as-Safa'. Alger, 1975, 108; A. J. Sinick. Lawh.—EI*, 3, 19—20.

E. P.

ЛӘХҮТ—«божественность, божественная природа», противопоставляемая «человеческой природе» (насут). Оба термина в Коране не употребляются. В ислам они попали, вероятно, через сирийских христиан. Вопрос о соотношении Л. и Н. встал в мусульманском богословии в связи с появлением мистических учений, прямо или косвенно допускавших возможность их соединения в отдельной личности и, следовательно, ее обожествления. В VIII—IX вв. подобные учения развивали «крайние» шииты и некоторые суфии, в частности ал-Бистами и ал-Халладж. Последний фактически и ввел в оборот Л.—Н. Для него Н. есть наиболее совершенная форма реализации Л. в дольном мире, «вместилище» (хайкал) «божественной тайны» (сирр). Соединение Л. и Н. в учении ал-Халладжа осуществляется в процессе взаимной любви между человеком и богом. В результате божественная воля сменяет человеческую и происходит явление (таджалли) трансцендентной сущности в образе индивидуального переходящего бытия. Личность мистика при этом как бы обожествляется, он становится рупором бога и его ипостасью.

Опасаясь обвинений в признании возможности субстанционального единства божества и человека (иттихад) и воплощения одного в другом (хулул), ал-Халладж подчеркивал неустрашимое различие между ними.

В учении Шайх ал-ншрак ас-Сухраварди Л. отождествляется то со «святым духом», то с «божественным светом», заключенным в теле человека и повелевающим им (нур мудаббир). Цель мистика ас-Сухраварди видел в избавлении от «пут человеческой природы» ('ала'ик ан-насут) и воссоединении с Вечным светом.

Ибн 'Араби обращался к терминам Л. и Н., продолжая традицию ал-Халладжа. В контексте его учения о «единстве бытия» (вахдат ал-вуджуд) Л. и Н. выступают как два полюса единой реальности: «духовный» (рухани), или «божественный» (илахи), и «природный» (таби'и), или «человеческий» (башари). Человек, как и прочие существа и предметы материального мира, есть воплощение архетипов, извечно пребывав-

ших в божественном знании, «манифестация» (мазхар, маджла) имен и атрибутов божественной сущности. Поскольку архетипы, имена и атрибуты, согласно Ибн 'Араби, тождественны Абсолюту, он, следовательно, присутствует во всех людях, являясь одновременно их скрытой сущностью (батин) и внешней формой (захир). Л. и Н., таким образом, суть две необходимые ипостаси Абсолюта, который по своей природе един. На этом основании любое его разделение представлялось Ибн 'Араби условностью, порожденной несовершенством человеческого восприятия, неспособного охватить абсолютное бытие во всей его полноте и единстве.

Подобной трактовки Л. и Н. в общем придерживались последователи Ибн 'Араби как среди суннитов (ал-Кашани, 'Абд ал-Карим ал-Джили, ал-Кайсари и др.), так и среди шиитов (Хайдар Амули, Мулла Садра).

В ряде суфийских текстов термином Л. обозначали также мир непостижимой божественной сущности (см. *ал-зайб*), который возглавлял иерархию «божественных миров», включавшую в себя помимо Л. «мир божественного владычества» (малакут) и «мир божественного могущества» (джабарут).

Лит-ра: Ахбар ал-Халладж, № 1, 8, 25, 53; ал-Газали. Воскрешение, указ.; ас-Сухраварди. Маджму'а; Ибн 'Араби. Фуусус, 1, 26—27, 35—39, 138—139; он же. Ал-Футухат, 1, 124—125, 168—169, 201—202, 253—255, 2, 7—9, 123—124; Amoli. La philosophie, 205; Nicholson. Studies, 193, 239—240; Anawatt. Gardet. Mystique, 232—233; R. Arnaldez. Lahut—nasut.—EI. NE, 5, 611—614.

A. Кн.

ЛУКМАН—коранический персонаж, древний мудрец. В Коране его именем названа 31-я сура, где сказано, что Аллах даровал Л. мудрость, а далее цитируются его наставления сыну, которому завещано не придавать Аллаху соотавищей, верить во всемогущего Аллаха, молиться, побуждать к благому, удерживать от плохого, терпеть превратности судьбы, не гордиться и не хвастаться, быть скромным даже в походке и в речи, ибо «ведь самый неприятный из голосов—конечно, голос осла» (31:12/11—13/12, 16/15—19/18).

Комментаторы Корана, исходя из сходства значений корней обоих имен, часто идентифицировали Л. с библейским Валааомом. Некоторые относили его к пророкам. В мусульманской литературе с именем Л. связано много мудрых изречений и поговорок, восходящих к различным древневосточным источникам, чаще всего к изречениям вавилонского мудреца Ахикара. В поздние средневековые Л. считали еще и автором басен, мотивы которых часто аналогичны мотивам басен Эзопа. В образе Л. тоже появляются черты сходства с Эзопом, его начинают описывать как безобразного черного раба. Один из наиболее распространенных вариантов предания о Л. относит его к народу 'ад и называет его Л. б. 'Ад. Вместе с другими 'адитами он отправился в Мекку просить избавления от страшной засухи, но вместо этого стал молить Аллаха о долгой жизни. Ему была дарована жизнь, равная жизни семи орлов, каждый из которых рождался после смерти предыдущего. Так Л. стал долгожителем (му'аммар), пережившим гибель своего народа, построившим Марибскую плотину, введшим многие обычаи арабов.

Аравийские легенды о Л. значительно богаче мотивами, чем рассказ Корана, и мало с ним

связаны. Они находят себе мало прямых параллелей и за пределами Аравии. Вместе с тем о Л.—герое и должителе—часто упоминают доисламские арабские поэты. Поэтому в этих рассказах о Л. б. 'Аде можно видеть передачу аравийского доисламского цикла сказаний, образ героя которых—Л.—был использован Кораном, в частности и для того, чтобы доказать, что и древние мудрецы Аравии учили тому же, что и он.

Заповеди коранического Л., хотя они и являются весьма общими добрыми пожеланиями и находят себе много параллелей в изречениях из древней литературы (прежде всего из цикла Ахикара), содержат перечисленные в четком порядке некоторые основные заветы ислама—догматические (единственность и всемогущество бога), ритуальные (молитва), морально-этические (добрые дела, терпение, скромность), морально-бытовые (спокойное поведение, ровный голос). Человек, соблюдающий их,—идеал мусульманина, воплощенный затем преданием в образ Мухаммада. Есть сообщения о том, что современники Мухаммада сопоставляли высказывания Корана с каким-то «свитком Лукмана». В ходе таких бесед и сравнений, видимо, и появился в Коране еще один персонаж, Л., арабийский свидетель истинности учения об Аллахе.

Лит-ра: *Ибн Хишам*. Тиджан, 373—380; *ас-Сиджистани*. Ал-Му'аммарин, 4; *ат-Табари*. Та'рих, 1, 1208; *он же*. Тафсир, 21, 43—49; *ас-Са'лаби*. Кисас, 197—198; *ал-Байдави*. Тафсир, 2, 113—114; *J. Derenbourg*. Fables de Loqman-le Sage. В.—Л., 1850; *R. Basset*. Loqman Berbère. P., 1890; *The Story of Ahikar*. Cambridge, 1913; *Gaudefroy-Demombynes*. Mahomet, 382—383; *B. Heller*—[N. A. Stillman]. Lukman.—EI, NE, 5, 811—813.

М. П.

ЛУТ—коранический персонаж, праведник и пророк, библейский Лот. В Коране он—обладатель хукма и 'илма, неоднократно упоминается среди пророков, которых их соплеменники сочли лжецами (6:86; 22:43; 38:13/12; 50:13). Л. был одним из первых, кто поверил пророку Ибрахима (29:26/25). Он поселился в городе, жители которого были развратными мужеложцами, и попытался наставить их на путь истины. Они же пригрозили ему изгнанием, и Л. взмолился к Аллаху о помощи. Аллах направил своих посланцев, чтобы наказать грешников. По пути посланцы навестили Ибрахима, которому возвестили о будущем рождении Исхака, и сообщили ему, что идут уничтожить город Л., но спасти его самого и его семью, кроме его жены. Придя в город, они остановились у Л. Жители, узнав об этом, решили захватить их. Л. же, пытаясь защитить гостей, предлагал людям своих дочерей. Гости объяснили Л., что наутро город будет уничтожен, поэтому он с семьей должен ночью уйти из него, не оборачивая-

сь назад. Они ушли, а жена его осталась и погибла со всеми. Утром на город обрушился страшный вольф, все перевернулось («верх его стал низом»), пролился дождь из твердой глины. Это событие стало знаменем для всех неверующих (7:80/78—84/82; 11:70/73—82/84; 15:57—77; 21:71, 74—75; 26:160—175; 27:54/55—58/59; 29:28/27—35/34; 37:133—138; 51:31—37; 54:33—38).

Названия города Л. в Коране нет, но он несколько раз имеется в виду под названием «опрокинутая» (52:53/54) и «опрокинутое» (9:70/71; 69:9). Жена Л. вместе с женой Нуха названы среди жен праведников, предавших своих мужей и за это обреченных на муки в аду (66:10). К слушателям Корана обращены слова о том, что они не раз проходили мимо остатков погибших селений и городов народа Л., но не извлекают уроков из их истории (25:40/42; 37:133—138).

Комментаторы, хорошо знакомые с иудейским преданием, приводят названия городов Палестины, имена жены и детей Л. Особо объясняются история жены Л. и причина обращения ее потом в соляной столб. Она была в родстве с жителями города и сочувствовала им, а не Л. Когда появились посланцы Аллаха, она побежала к соседям просить соли специально, чтобы они узнали, что у Л. гости, что в городе появились новые люди.

У суфиев (Ибн 'Араби) образ Л. становится примером того, что телесные существа, даже пророки, против врагов бессильны без помощи Аллаха.

Коранический рассказ восходит корнями к библейскому через агадические сказания; ими же пользовались и комментаторы. Интересно, что уже мусульманские мотивы сказания (например, о жене Л.) оказали влияние на поздние иудейские предания. В Коране Л. как пророк приобрел значительно большее значение, чем в Библии. Его история стоит в ряду важнейших поучительных рассказов Корана, сообщающих о гибели народов, не поверивших своим пророкам (народ Нуха, 'ад, самуд). Излагаются они как всем известные, но объясняются по-новому и потому подробно. В отличие от других пророческих историй в этой мало прямых параллелей со спорами Мухаммада с мекканцами. С современной Корану эпохой ее связывает упоминание о том, что мекканцы видели остатки погибших городов, возможно когда их караваны проходили через район Мертвого моря.

Лит-ра: *ат-Табари*. Та'рих, 1, 330—345; *он же*. Тафсир, 8, 164—165, 14, 28—32, 19, 64—65; *ас-Са'лаби*. Кисас, 58; *ал-Киса'и*. Кисас, 145—150; *ал-Байдави*. Тафсир, 1, 333—334, 504—505, 2, 58—59; *Horowitz*. Untersuchungen, 136; *D. Künstlinger*. Christliche Herkunft der Kuranischen Lot-Legende.—RO, 1930, 7; *Gaudefroy-Demombynes*. Mahomet, 576—577; *Beltz*. Sehnsucht, 104—106; *B. Heller*—[G. Vajda]. Lut.—EI, NE, 5, 832—833.

М. П.

М

ал-МА'АД («возвращение») — будущая жизнь, жизнь после конца света (в некоторых аспектах синоним ал-ахира). Понятие ал-М. включает в себя конец света (ас-са'а), воскресение умерших (ал-кйама), суд Аллаха над людьми (Иаум ад-дин, ас-су'ал), поселение людей в аду (джаннам) и раю (ал-джанна). Представление об ал-М.—один из главных догматов ислама.

Согласно наиболее распространенным среди мусульман представлениям, концу света предшествует появление ад-Даджжала, победа на земле сил зла, появление с востока йаджуджа и маджуджа, выход из земли некоего говорящего зверя, появление над землей столбов дыма, восход солнца с запада. Затем 'Иса и ал-Махди победят ад-Даджжала, на земле воцарится спра-